

5. VL. – Petersburg, 1859. – Т. 4. – С. 194. – § 55.
6. Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов) / А. П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
7. АРКг. – АМCh. – Sign. 47. – Л. 59–62.
8. Доўнар, А. Б. Увядзенне самакіравання ў Слуцку ў другой палове XVII ст. / А. Б. Доўнар // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база: зб. навук. артыкулаў / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: І. В. Соркіна (гал.рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2011. – Ч. I. – С. 141–149.
9. LVIA. – Ф. 459. – Воп. 1. – Спр. 4035. Матэрыялы аб судовым працэсе паміж Радзівілаўскай масай і жыхарамі мястэчка Капыль.
10. НГАБ. – Ф. 637. Слуцкі земскі павятовы суд. – Воп. 1. – Спр. 85. Актавая кніга 1811 г.
11. Памяць: Капыльскі раён: Гістор.-дакумент. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. А. А. Марціновіч; рэд. кал.: Ф. К. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: Беларус. навука, 2001. – 638 с.

Елена Нарижная, Сергей Юрис (Гомель)

ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ И ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ С МАГДЕБУРГСКИМ ПРАВОМ

Работы, посвященные городской и шляхетской культуре, частной жизни привилегированного и мещанского сословий на Беларуси и повседневной истории как отдельному направлению в отечественной истории, до сих пор немногочисленны. Однако целостным историческое полотно делают комплексные социально-культурные исследования, нехватка которых ощущается, например, по XVI, XVII, XVIII вв. при доминировании традиционной социально-экономической и социально-политической проблематики. Если городская жизнь XIX – первой половины XX в. еще достаточно успешно рассматривается, то материалы по динамике развития городских сообществ, институтов местной власти являются для многих работ побочной информацией (за исключением трудов З. Шибeko и С. Стренковского) [1; 2].

Магдебургское право, пришедшее к нам из разных городов Европы и получавшее каждый раз «новое» название в зависимости от города, взятого за образец (Любек, Магдебург, Хелмн и др.), преимущественно было немецким. Поэтому процесс надления городов самоуправлением в ВКЛ и Польше в реальности выглядел как перевод с местного права (польского и русского) на немецкое, уже включившее в себя фламандско-франконские элементы. Население добивалось самоуправления, защищающего его от произвола королевских и княжеских наместников, а также дававшего послабление в повинностях. Великому князю, духовенству и шляхте это было выгодно также, ибо давало возможность улучшить состояние своей казны через получение доходов от чинша. Вследствие этого процесса земли Польши наводнили иноземцы с более высокой культурой и трудовой энергичностью, а также немцы, что, по утверждению В. Грабенского, тотчас же сыграло важную политическую роль [3, с. 74]. Столичные мещане получили магдебургское право в Кракове по образцу Вроцлава уже в 1257 г. от Болеслава Стыдливового. Если в Польше, с которой ВКЛ было связано династической унией, король разрешил использование самоуправления вначале только одному местному сообществу – немецкой общине (а позже и польскому населению), то в ВКЛ оно уже пришло без подобных этнических ограничений. Так, 15 августа 1390 г. в Кракове король Владислав (великий князь, господарь литовский и дедич русский Ягайло) выдал грамоту Бресту на магдебургское право. В ней привилей распространялся на всех жителей города христианской веры, в том числе на немцев, поляков и русинов. Однако бывали изъятия из этой нормы, обусловленные политической конъюнктурой. Так, например, великий князь Витовт в 1408 г. в привилеее тому же г. Бресту оговорил особо, что на русинов действие магдебургского права не распространяется, тогда как всем остальным – немцам и литовцам католической веры, схизматикам и неофитам – можно было не подчиняться служебным лицам ВКЛ [4, с. 30–43; 2, с. 40]. Таким образом, в системе развивающегося местного самоуправления в ВКЛ можно выделить уже два ограничительных фактора, которые проявлялись для местных сообществ в виде

цензов либо по конфессиональному, либо по этническому признаку. Причем более константным был конфессиональный.

К городам, которые получили магдебургское право в конце XIV – начале XV в. (Вильно, Брест, Сурож), добавились Гродно (1496), Дрогичин, Полоцк (1498), Минск (1499) и др. За пользование магдебургским правом мещане платили довольно значительную сумму: если города были развитыми центрами торговли – в 400 коп грошей (для Полоцка) или в 500 коп грошей (для Пинска). Первые привилегии содержали только пункты о придании магдебургского права с освобождением от действия других правовых систем, традиционных обычаев и власти государственной администрации; об установлении власти войта и его ответственности; о городской земле и налогах. Позднее привилегии на магдебургское право охватывают все большее количество вопросов. Например, начиная с гродненского привилегия 1468 г. в их содержание постепенно включаются пункты о праве на гербы, ярмарки, доходы от мер и весов, цирюлен, воскобоен и т. д.

Институт местной власти в лице войта как результат организации местного самоуправления начал оформляться в ВКЛ (Дрогичин – 1429 г., Высокое – 1494 г., Пинск – 1501 г. и др.) еще до массового перевода городов княжества на магдебургское право. Об этом свидетельствует, например, уже вышеупомянутая грамота от 15 августа 1390 г. короля Владислава (Ягайло) Бресту на магдебургское право, в которой войт города обозначался термином «advocatus». Или обращение всех мещан и войта г. Пинска в 1501 г. к великому князю Александру, где все они «били челом» о кривдах, чинимых княжной Марией Олелькович, тогда как Пинск получил самоуправление только через 80 лет. Первоначально под этим термином подразумевалось служебное лицо княжеского двора, руководящее замком или местом, а в более ранний, полоцкий период часть подобных функций, в первую очередь сбор налогов, осуществляли тиуны [2, с. 22–38; 5, с. 1; 6, с. 125–126].

Войт – глава городского самоуправления и высшей власти в городе – наделялся полномочиями главы городского суда, а кроме того, являлся апелляционной инстанцией по решениям суда

магистрата города. На его содержание шел каждый третий пенязь со всех судебных дел, как было принято в г. Вильно и других городах ВКЛ [5, с. 131]. Сеймы XVII в., несмотря на регулярное издание законов против роскоши, позволяли войтам, бурмистрам и другим городским сановникам носить драгоценные камни, шелковое платье, ценные меха. Этот момент интересен тем, что таким образом представители местной городской власти из мещан сравнивались хотя бы внешне с привилегированным шляхетским сословием. Это поднимало их социальный статус и среди прочего мотивировало к занятию выборных должностей в системе городского самоуправления.

В немецких городах должность войта была выборной, а в ВКЛ господарь назначал войтов из числа крупных феодалов вплоть до XVI в., когда начинаются исключения из этого правила. Так, в 1559 г. мещане Орши сами избрали войта, а в магдебургской грамоте Несвижа от 1586 г. указано, что князь Радзивилл может сам назначить войта, но после смерти первого назначенного войта горожане будут сами выдвигать две кандидатуры на этот пост. Далее по жребию один из двух претендентов станет войтом. К концу XVI в. право на замещение должности войта выкупили почти все города и она превратилась в выборную. Избранные войты отсылались на утверждение (конфирмацию) к королю. Воля мещан в этом процессе стала учитываться. Например, когда в 1710 г. мещане г. Кобрина избрали себе войтом А. Костюшку, а король одновременно дал привилей на войтовство М. Савицкому, то после протеста городской общины король был вынужден отменить свое назначение [2, с. 87]. Для повседневной работы войты назначали себе заместителя – лентвойта. В магдебургских грамотах конца XIV – начала XVI в. указывается, что лентвойт приносит присягу войту, а не городу. В течение XVI–XVII вв. процедура принесения присяги также претерпела изменения. Так, магистрат Бреста в первой половине XVII в. настаивал на том, что лентвойт, назначаемый по-прежнему войтом, должен приносить в ратуше присягу уже городу. Подобное положение о присяге лентвойта городу закрепляет король Владислав

в привилее от 1640 г. жителям г. Лиды. Если должность войта совмещалась с должностью воеводы, то управление радой и представительские функции переходили к лентвойту.

Важнейшим принципом в городском самоуправлении было то, что власть в городе принадлежала его жителям – мещанам, которые были организованы в местное сообщество – городскую общину, являющуюся коллективным субъектом права. Основные вопросы жизни города община решала на общем собрании, где выбирали, контролировали органы власти и суда своих городов. Сильные городские общины сложились в городах Беларуси – Полоцке, Турове, Пинске и др. – еще в XII в. [7, с. 92].

В соответствии с магдебургским правом горожане выбирали орган самоуправления – раду и судебный орган – лаву. В состав рады входили бурмистры и радники из числа зажиточных горожан, купцов, лавочных торговцев и др., ее численный состав колебался от 6 до 24 человек. Рада обычно из своего состава вместе с войтом избирала двух годовых бурмистров (одного католика и одного православного). Выборы не всегда были прямыми, из кандидатов на пост бурмистров мог выбирать войт – главное, чтобы соблюдался конфессиональный паритет для местных сообществ католиков и православных. Интересно, что в Полоцке с середины XVI в. избиралось 8 бурмистров – по неоднократному требованию городской общины на эту уступку пошли великие князья Жигимонт I Старый и Жигимонт II Август. Под председательством бурмистров радцы занимались хозяйственными делами, благоустройством города, рассматривали дела жителей города. На заседания рады могли приглашаться цехмистры в качестве представителей от городских цехов ремесленников (еще одного вида местных сообществ). В работе городского суда под началом войта участвовали избираемые горожанами под контролем магистрата заседатели – лавники. Критериями для избрания являлись срок проживания в городе и значимость кандидата для экономики города. Заседание суда должно было происходить в присутствии не менее половины всех лавников. В случае, когда рада и лава объединялись в один орган для совместного решения городских дел, образовывался магистрат.

Одна из главных функций магистратов – представительская. Они представляли городские общины перед государственными органами. Именно члены городской власти ходатайствовали перед королями и великими князьями об утверждении привилеев и вольностей горожан. Направления деятельности магистратов были достаточно разнообразными: они распоряжались городскими землями, осуществляли прием в состав горожан и городской общины, следили за исполнением городских привилеев, вольностей, правил занятий ремеслом и торговлей. Им обязаны были подчиняться жители предместий и горожане, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания, а также шляхта, которая жила в городе (пинский привилей 1581 г.). Магистраты занимались также вопросами благоустройства, сбором налогов. Кроме того, начиная с гродненского (1526) и пинского (1633) привилеев магистратам запрещалось возвращать панам крестьян, поселившихся в городе.

Таким образом, члены городской общины самоуправляемых городов обладали различными правами и привилегиями, однако мещане как сословие в целом не имели всей полноты гражданских прав, как шляхетское сословие. Они не имели возможности занимать государственные должности и получать высшие духовные саны, принимать участие в «посполитом рушени». К общественным делам они привлекались только на основании и в пределах специальных привилегий. В начале XVI в. Краков получил привилегию посылать своих послов на сеймики и сеймы, в 1568 г. это право получил и г. Вильно, позже Львов, Полоцк и др. Так, на знаменитый сейм в Бресте в 1544 г., где Жигимонт I Старый передавал власть в ВКЛ своему сыну Жигимонту II Августу, ездили полоцкий воевода Станислав Давойна вместе с полоцкими боярами-шляхтой и «мещанами лепшими» [6, с. 130]. А акт Люблинской унии подписывали уже два королевских городских советника (райцы). Из-за численного перевеса шляхетских послов представители местного самоуправления из привилегированных городов постепенно перестали участвовать в законодательной работе, не вступая явно в открытый конфликт со шляхетскими послами. Постоянное их присутствие отмечалось лишь на конвокационных и элекционных сеймах.

Необходимо отметить, что конфликты в городской среде чаще носили социальный характер, нежели национальный либо религиозный. Напряженная борьба подмастерьев и городской бедноты против мастеров и городской верхушки усугубляла кризис городской экономики и приводила к бунтам. Так, в начале XVII в. тяжесть налогов, беззаконие и своеволие магистрата Могилева при раскладке и сборе налогов, злоупотребления властных органов привели к волнениям в городе. Горожане пожаловались королю, образовали контрольно-совещательный орган из 12 человек «посполитых» для наблюдения за деятельностью магистрата и все же были вынуждены летом 1606 г. выступить против городских властей. Они добивались расширения своих прав, контроля за деятельностью рады, публичной отчетности магистрата о расходах. Руководство восстанием взяла на себя группа ремесленников во главе с цехмистром солодовников С. Митковичем. Повстанцы ворвались в ратушу и потребовали прекратить финансовые злоупотребления. Попытка магистрата разогнать составших не удалась. Старая рада была распущена, а в июле избрана новая. В ее состав вошли С. Миткович, оружейник Никита, гончар Михаил, портной Федор и др. Более двух лет новая рада управляла городом и после истечения срока полномочий уступила место старой администрации. Однако противоречия не были устранены: по-прежнему городом руководили богатое купечество и цехмистры. Летом 1610 г. новое восстание было подавлено королевскими войсками.

Осенью 1615 г. началось восстание в Мозыре, поводом для которого стали действия местного старосты. Государственные имения – староствы – обеспечивали содержание великого князя, его семьи и его двора. Старосты, получившие под управление для своего кормления так называемые казенные земли (под залог, на условиях аренды или в награду за службу), стремились удерживать их как можно долее в руках своего рода с надеждой на стремительное обогащение или перевод хотя бы части земель в вотчинное владение за служебное рвение, погашение в счет великокняжеского долга. Так, Мозырское староство и г. Мозырь, Речицкое староство и г. Речицу поочередно держали Халецкие

и Оскерки, занимая посты войтов, старост; Лоев – Юдицкие; Чечерское и Пропойское староствы – Сапеги, Массальские; Гомельское – Чарторыйские; Рогачевское – Волловичи, Юдицкие, Потей. Представители рода Оскерок были заняты на государственно-административной службе в качестве сеймовых посланцев, стражников ВКЛ, кастелянов, то же можно сказать и о Халецких, из рода которых вышли посланцы, сеймовые посланцы, мечники и стражники ВКЛ, подскарбии ВКЛ, маршалки сеймовые, дворные, господарские и воеводы. Выживание шляхетского рода в феодальном обществе было напрямую связано с расширением влияния семьи, клана в политической системе государства. Обратной стороной этого процесса становились произвол и беззаконие на казенных землях. Например, хоружий Дрогичинской земли Сернацкий собрал в 1530 г. налог свыше установленной великим князем и панами рады нормы, а кричевский наместник князь В. Жилинский «назвышь стацей... кривды и драпежства хотел подданным нашимъ делати». В ответ на коллективные жалобы населения великий князь Жигимонт I Старый писал: «... естли въ томъ виненъ зостанешъ... ижъ не толко собе держанья збудешъ, але хотя будешъ одинъ грошъ неслупно взять, и мы кажемъ на тебе... оправити и имъ отдати» [4, с. 128].

Самоуправление городов с магдебургским правом вопреки великокняжеским привилегиям нарушалось чаще воеводами, которые стремились заполучить войтовские доходы, и главным образом старостами. Под предлогом ликвидации конфликтов между воеводой и мещанами в лице войта они пытались присвоить себе судебную власть над городами, самовольно вводить подати в свою пользу. Что и произошло в 1527 и 1558 гг. в Полоцке и в 1615 г. в Мозыре, когда староста самовольно лишил часть мещан магдебургского права и стал злоупотреблять поборами. Восставшие горожане блокировали замок, избрали нового войта, запретили шляхте появляться в городе. Восстание длилось несколько месяцев. Великокняжеский суд принял решение о переходе горожан, находившихся под юрисдикцией замка, назад магистрату, и в доходы городской общины был отдан ряд поборов с торговли и ремесла.

Одним из объективных факторов упадка в будущем самоуправления на белорусских землях стало причисление мещанских занятий к недостойным. Это оттолкнуло шляхту от торговли и ремесленных занятий, из-за чего города были лишены притока капиталов и труда привилегированного шляхетского сословия. Другим губительным объективным фактором выступил «кровавый потоп» XVII в., так как в результате войн, начавшихся с 1600 г. и тянувшихся вплоть до 1721 г., более чем в 2 раза сократилось городское и местечковое население, численность которого так никогда и не восстановилась в прежнем объеме. В Витебском, Мстиславском, Полоцком воеводствах было уничтожено от 50 до 70 % домов. Количество населения в них сократилось на 50–70 % и только в первой трети XVIII в. вновь стало составлять около 2–3 тыс. человек в большинстве восточных городов ВКЛ. Многие города и местечки были разрушены и сожжены неоднократно, что привело к упадку городской культуры, приостановило формирование бюргерства, затормозило этническую консолидацию. Типично европейская средневековая застройка белорусских городов исчезла, так как возводить заново Оршу, Лиду, Мозырь, Могилев, Витебск, Гродно и др. оставшимся семьям было не под силу (например, из 500 семей Кричева осталось 20). Относительный рост численности населения стал отмечаться лишь к концу XVIII в., приблизившись к 2,6 млн человек среди 14 млн граждан Речи Посполитой.

Пополнялось городское население теперь в основном за счет еврейской миграции, дающей налоги государству и феодалам. В итоге евреи составили 25–40 % населения, а в восточных белорусских городах и местечках – до половины и более жителей. Евреи, переместившие сюда свои капиталы, поддерживали свою культуру, религию и язык, составив еще одно весомое местное сообщество. Так, в середине XVII – начале XVIII в. население городов было уже многоконфессиональным и многоязычным. В городах со смешанной этнической и конфессиональной структурой членами городской рады традиционно избирали католиков и православных поровну, нехристианское население не входило в состав магдебургских городских общин, получая отдельные при-

вилегии. Еврейское население подчинялось власти магистратур только по уголовным делам и судебным тяжбам с христианами. Имея право приобретения в собственность домов, дворов и земель в городе, евреи не допускались в магистраты и городские цехи. Их община управлялась собранием старшин – кагалом. Синодальные постановления и сеймовые конституции запрещали им держать христианскую прислугу, кроме кучеров, солодовников и пивоваров, а также обязывали носить желтые шапки [3, с. 230].

В 1775 г. правительство Речи Посполитой ввело «генеральную таможенную пошлину», обязательную для всех, в том числе для короля, шляхты, духовенства, а сейм ВКЛ, чтобы ограничить ростовщичество, ввел долговой процент в размере не более 7 % для светских и не более 6 % для духовных кредиторов. Шляхетское сословие получило право на мещанские занятия решением этого же сейма. Все это способствовало вовлечению феодалов в рыночные отношения, дало толчок развитию элементов капитализма в феодальной экономике, а также содействовало становлению раннебуржуазного общества и восстановлению экономики городов. Население отреагировало на изменения в социальном статусе шляхты сочинением веселых анонимных стишков: «нынче мери крупу продает шляхтянка, в город тащится с тюком, впереди служанка, мерит масло ложками, пахтанье – горшками, щеголяет с барыша новыми платками» [8, с. 158].

В период работы следующего Великого сейма (1788–1792) возросла политическая активность городских общин, требовавших участия в управлении государством. В апреле 1791 г. сейм принял закон о «Вольных городах королевских», которые, наконец, получили возможность свободного развития, не сдерживаемого феодальным правом. Все королевские города объявлялись вольными, и король подтверждал их привилегии. Недвижимое имущество мещан этих городов признавалось их наследственным владением, потому что мещане, став теперь тоже «вольными людьми», получили право неприкосновенности личности, право приобретения земельных поместий и занятия государственных должностей. Все торговцы обязаны были принять городское пра-

во, т. е. принести присягу королю Речи Посполитой, городу. Их должны были вписать в городские книги, а города не имели права отказывать им в приеме.

Юридическое оформление мещанства в особое сословие феодального общества нашло отражение в государственном законодательстве. Так, уже в первой статье первого раздела Статута 1529 г. мещанство выделялось как особый объект права: «мещан карати не хочем». Мещане – жители городов (ремесленники, купцы, домовладельцы и др.) в XVI в. составляли 15–16 % от всего населения Беларуси. По имущественному положению в среде городского населения выделялось три группы. Верхний пласт – верхи городской администрации, крупные купцы, высшее духовенство, землевладельцы. Средний пласт (около 40–50 % жителей города) составляли цехмистры, ремесленники, владельцы лавок, служащие магистрата, незлитное духовенство. Низший пласт – городские низы, в их состав входили прислуга богатых горожан, наемные работники, ученики ремесленников. Городские низы обозначались терминами «каморники», «лезные», «гультаи», «парабки».

На протяжении XVII–XVIII вв. шло постепенное расширение состава прав мещан. Так, например, в 1634 г. великокняжеский суд своим постановлением определил, что в Пинске войта и лентвойта будет избирать «магистрат и посполство», в 1661 г. мещане Могилева и несколько позже Гродно добились права избрания войта города. В 60-х годах XVII в. члены магистратов Могилева, Витебска, Гродно получили права шляхты, а в 1764 г. горожане, относящиеся к юридикам, были переданы под власть магистратов.

Тем не менее, само мещанское сословие к концу XVIII в. пришло в упадок и составляло всего 11 % от белорусского населения. И в 1776 г. все королевские города, кроме воеводских и поветовых центров, были лишены магдебургского права, так как их жители, «не интересуясь купеческим делом, торговлей и ремеслом, неумело занимаются земледелием, судебные дела неправильно решаются не дельными радцами». Оно сохранялось только в Вильно, Лиде, Бресте, Волковыске, Троках, Ковно, Гродно,

Новогрудке, Пинске, Минске, Мозыре. В частновладельческих городах магдебургское право было разрешено оставить для решения внутренних вопросов жизни горожан, поэтому владельцы городов добились его принятия даже там, где раньше им не пользовались. Отмена магдебургского права вызвала сопротивление горожан, сеймом была создана специальная комиссия по упорядочению управления городами и взимания с них налогов в королевскую казну и на общественные нужды.

В 1791 г. Четырехлетний сейм принял закон о «Вольных городах королевских», по которому самоуправление было восстановлено еще с более широкими правами, и его получили даже новые города. Мещанам, внесенным в городские книги, разрешалось избирать органы местного самоуправления, а также избираться депутатами сейма с правом совещательного голоса. Вместе с тем, наконец, запрещалось совмещение городских должностей с земскими и военными. Кроме того, на каждом очередном сейме 30 мещан, владевших недвижимостью в городах, могли получать от короля шляхетское достоинство. Те мещане, которые дослужились в армии до чина штабс-капитана, тоже получали шляхетство. Устанавливалось также право свободно менять место жительства. Однако и после принятия этого закона Станислав Август II издавал так называемые реновационные привилегии. Например, в 1792 г. эти привилегии были призваны восстановить действие предыдущих городских привилегий и дать возможность мещанам руководствоваться в своих действиях Конституцией и «правом мейским магдебургским».

Список использованных источников

1. Шыбека, З. В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет: курс лекцый / З. В. Шыбека. – Вільня: ЕГУ, 2009. – 372 с.
2. Стрэнкоўскі, С. П. Гарадское самакіраванне ў вялікакняжацкіх уладаннях заходняй часткі Вялікага княства Літоўскага ў XV–XVIII стагоддзях: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С. П. Стрэнкоўскі. – Мінск, 1999. – 151 с.
3. Грабеньскі, Вл. История польского народа / Вл. Грабеньский. – Минск: МФЦП, 2006. – 800 с.
4. Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: сб. науч. тр. – Минск: РИВШ, 2009. – Вып. 2. – 328 с.

5. Акты Литовско-Русского государства / Изд. М. В. Довнор-Запольский. – Вып. 1. – М., 1899. – № 1.
6. *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: сб. науч. тр. – Минск: РИВШ, 2010. – Вып. 3. – 342 с.
7. Беларусь: страницы истории / НАН Беларуси, Ин-т истории; ред. совет А. Коваленя и [др.]. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 408 с.
8. Польская поэзия XVII века / Сост. А. Панченко. – Л.: Худ. лит., 1977. – 208 с.

Валянцін Голубеў (Мінск)

**ПРЬВІЛЕЙ ВЯЛІКАГА КНЯЗЯ ЖЫГІМОНТА
АЎГУСТА МЯШЧАНАМ ЛЕПЕЛЬСКАГА ЗАМКА
І ЎСТАВЫ Л. І. САПЕГІ ГОРАДУ НОВЫ ЛЕПЕЛЬ
1596 І 1601 ГГ. ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ГАРАДОЎ
БЕЛАРУСІ КАНЦА XVI – ПАЧАТКУ XVII СТ.**

Горад Стары Лепель, ці «места Лепель», быў заснаваны ў 1563 г. на востраве возера Лепель, які належаў Віленскаму біскупству, насупраць Лепельскага замка, пабудаванага падчас Інфлянцкай вайны 1558–1582 гг. [1, с. 189]. У 1568 г. мяшчане Лепельскага замка звярнуліся да караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста з просьбай вызваліць іх на пэўны час ад дзяржаўных падаткаў і павіннасцей, бо горад быў спустошаны маскоўскім войскам. У адказ на чалабіцце мяшчан Лепельскага замка 12 ліпеня 1568 г. манарх падпісаў ім прывілей («ліст») «на вольнасці» як пацярпелым ад «непрыяцеля нашага вялікага князя маскоўскага» [2, с. 1] (Дадатак 1). У дакуменце гаварылася, што мяшчане Лепельскага замка вызваліліся ад выплаты ўсіх земскіх падаткаў і капшчызны (дзяржаўнага падатка за трыманне карчмы і продажу ў ёй спіртных напояў. – В. Г.) «ад іх корчмаў і шынокў» і ад падвод і іншых земскіх павіннасцей тэрмінам на 15 гадоў «для лепшого запоможенья всихъ мешчан тамошних на сесь час при томъ замку нашомъ будучихъ и которые еще тамъ при ономъ замку домами своими селитися будутъ»